

ЭКСПЕРТНЫЙ ВЗГЛЯД

Февраль 2022 г.

<https://beroc.org/>
beroc@beroc.by

Резюме

- **СРЕДА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА ОСТАЕТСЯ СЛАБОЙ.**

Перспективы экономического роста в ближайшем будущем будут зависеть от возможности наращивать экспорт. Но так как в игру вступит волна неопределенности, связанная с действием санкций, сужением возможностей для привлечения ресурсов на внешних рынках, стабильности в регионе, потенциальными внутренними и внешними шоками, то ожидать прошлогодних успехов вряд ли приходится.

- **ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МИГРАЦИЯ ИМЕЕТ ПОТЕНЦИАЛ К УСИЛЕНИЮ. РАЗРЫВ ЗАРПЛАТ С СОСЕДЯМИ РАСТЕТ.**

Успехами в экономике в 2021 году смогли наслаждаться не все, что хорошо заметно по разбеге в росте средней зарплаты: если в промышленности она увеличилась на 9.5% в реальном выражении, то в строительстве не изменилась, а в IT-секторе снизилась на 5.3%. В целом же разрыв Беларуси с некоторыми соседями по средним зарплатам увеличился, что может стать причиной для активизации экономической миграции. В этом же году эксперты не ждут значимого роста реальных зарплат, а в случае действия санкций предрекают их небольшой спад.

- **ИНФЛЯЦИОННЫЕ РИСКИ ОСТАЮТСЯ ПОВЫШЕННЫМИ.**

Внешняя конъюнктура создала благоприятные условия для резкого роста экспорта белорусской продукции и возможности повышать цены на нее. В то же время мировой рост цен повлиял и на белорусский рынок. Но не только он, давление на цены оказывала ожидаемая инфляция, которая в декабре была 14.2%. Не осталось в стороне стремление к регулированию цен: несмотря на принимаемые меры, регулируемые цены и тарифы в декабре прошлого года выросли на 9% в годовом выражении. Замедление мировой инфляции в этом году повлияет на ее замедление и в Беларуси, но внутри страны воздействовать на рост цен будут инфляционные ожидания, повышение налогов и ставок. В результате инфляция по итогам года может снова оказаться вблизи 10%.

Бюлетень Экспертный Взгляд (в рамках проекта Мониторинг экономики Беларуси: тенденции, настроения, ожидания) представляет субъективный экспертный анализ ключевых краткосрочных тенденций белорусской экономики. В каждом выпуске бюллетеня выбираются три наиболее важные тенденции на основе опроса трех экспертов: двух сотрудников BEROC и одного внешнего эксперта. В резюме фиксируются эти тенденции, а также ожидания трех опрошенных экспертов в отношении будущей экономической динамики. В основной части бюллетеня каждый из экспертов представляет свое видение по одному из проблемных вопросов, свои ожидания и сценарии развития ситуации.

Ни BEROC, ни лица, его представляющие, не могут быть ответственными за использование информации, содержащейся в данном бюллетене. BEROC не несет ответственности за потери и/или убытки любого рода, связанные с использованием информации, представленной в бюллетене.

Страна упускает возможности развития

Российский экономист, связанный с банковской сферой и исследованиями экономик стран ЕАЭС. Он согласился представить свой анализ на условиях анонимности.

Факторы, повлиявшие на экономический рост в 2021

В 2020 году из-за отсутствия ограничительных мер белорусская экономика просела меньше по сравнению с другими странами, но в 2021-м она росла медленней, так как на нее не влиял эффект низкой базы. Например, ВВП Беларуси в 2021 году вырос на 2.3%. А в России, по предварительным данным, рост был 4.5%, то есть почти в два раза выше. Но к 2019 году Беларусь выросла на 1.6%, а Россия - на 1.7%. Получается, что в двухгодичном отрезке рост был примерно одинаковым.

Ключевую роль в прошлогоднем росте сыграла чрезвычайно благоприятная конъюнктура на мировом рынке, а основным драйвером роста стал экспорт. Начинаясь 2021 год с того, что цены на белорусские экспортные товары росли медленней, чем на импортируемые. Но с середины года, благодаря крайне благоприятной ценовой конъюнктуре на мировых рынках, тенденция поменялась – экспортные цены перешли к устойчивому росту, превышающему увеличение цен на импорт. Благодаря этому даже попавшие под санкции предприятия смогли перекрыть издержки.

Рост цен на сырьевые товары на мировом рынке зашкаливал. Самым ярким примером были азотные удобрения, дорожавшие экспоненциальными темпами вслед за газом. Хотя цена на калий в то же время была довольно стабильной. А так как для белорусских предприятий цена на газ не изменилась, то они получили конкурентное преимущество.

Продовольствие и продукция деревообработки тоже дорожали рекордными темпами, обеспечивая рост поступлений валютной выручки.

Во второй половине прошлого года рост ВВП замедлился. Минимальные темпы были в октябре, когда он приблизился к нулю. А в последние два месяца года рост немного ускорился – в ноябре он был 1.3%, а в декабре уже 2.3%. Еще одним из двух основных драйверов роста был экспорт IT-услуг, который по итогам года заметно превысил 4 млрд долларов (очередной исторический рекорд белорусского ПВТ) и обеспечил примерно треть прироста реального ВВП.

Довольно быстрый рост промышленности, связанной с нефтепереработкой, как и с производством калийных удобрений, был в немалой степени обусловлен эффектом низкой базы: в начале 2020 года нефтепереработка испытывала проблемы из-за споров по ценам и поставкам российской нефти, а «Беларуськалий» ждал подписания двух крупных контрактов. Поэтому в начале 2021 года эти отрасли показывали очень быстрый рост. После попадания «Нафтана» и

«Беларуськалия» под санкции данные по этим отраслям перестали публиковаться, но их динамику можно понять, если вычтешь из объема производства обрабатывающей промышленности остальные отрасли. Такой «суммарный» сектор промышленности в первой половине 2021 года показал быстрый рост, а во второй половине года темпы ушли в минус или были около нуля. Но этот негативный эффект от санкций был перекрыт позитивной рыночной конъюнктурой. Несколько отраслей обрабатывающей промышленности показали в 2021 году очень хорошие результаты: производство вычислительной и электронной аппаратуры приросло на 20.3%, деревообработка – на 12.2%, фармацевтическая отрасль – на 9.8%.

В связи с существенным падением инвестиций в течение всего года «антидрайвером» стало строительство – спад в этом секторе «съел» весь прирост, который обеспечил сектор IT. В самом конце года отрасль, похоже, немного ожила, но говорить о том, что это признак изменения тенденции, пока не приходится.

Потребление росло медленно (за исключением второго квартала, на который влиял эффект низкой базы) на фоне замедления роста реальных доходов и стагнации потребительского кредитования. В целом люди стали довольно консервативно подходить к своему потребительскому поведению – декабрьские расчеты показывают низкую потребительскую уверенность. То есть пока однозначно рано говорить о том, что люди готовы поддерживать текущее потребление, надеясь на будущий рост доходов, как это было, например, в конце 2016 года.

Перспектива ближайшего будущего – неопределенность

Фактически сейчас перспективы роста в значительной степени зависят от возможностей наращивать экспорт.

С одной стороны, негативное влияние продолжают оказывать санкции. Это касается как роста издержек на логистику и юридическое сопровождение, так и общего негативного имиджа страны в глазах контрагентов из-за текущих санкций и сохраняющихся рисков их расширения.

С другой стороны, сохраняется достаточно сложная ситуация с привлечением финансовых ресурсов из-за рубежа. Можно сказать, что в случае негативных шоков у Беларуси не останется источников финансирования кроме России. Это создает дополнительную неопределенность, так как крупные займы (межгосударственные кредиты и средства ЕФСР) привлекаются на основе политических договоренностей на высшем уровне. Для коммерческих банков и компаний сохраняются рыночные инструменты, но условия привлечения таких средств значительно ухудшились по сравнению с «досанкционными» временами.

На внутреннем рынке с источниками финансирования тоже не просто. На 2021 год Минфин планировал крупный дефицит (больше 6,5 млрд рублей), а в итоге,

по предварительным данным, бюджет органов государственного управления был исполнен с профицитом. Минфину сложно привлекать даже белорусские рубли. Наверное, он мог бы разместить краткосрочные рублевые облигации, но долгосрочных ресурсов на рынке сейчас нет. Нацбанк тоже не может финансировать дефицит бюджета за счет эмиссии (это запрещено законодательно).

В таких условиях Минфин вынужден продолжать проводить весьма консервативную фискальную политику и ограничивать расходы. В первую очередь общегосударственные, то есть государственную инвестиционную программу. А это создает дополнительные ограничения для экономического роста.

На первый взгляд, кажется, что ситуация по итогам года довольно неплохая: рост выше ожидаемого, курс довольно стабильный, люди перестали выносить депозиты из банков, инфляция хоть и достигла 10%, но она не сильно отличается от показателей у соседей. Но вот перспективы складываются неопределенные.

У Нацбанка как регулятора возможностей влияния на ситуацию осталось чрезвычайно мало, особенно если говорить о тех из них, которые позволили бы банковской системе работать как эффективному каналу финансирования инвестиций. В банковской системе практически весь год сохранялась избыточная ликвидность, то есть банки предпочитали не расширять свой кредитный портфель, а держать свободные деньги в Нацбанке. Почему так происходит? Да просто если банки привлекают ресурсы на короткие сроки, то выдавать за счет этих ресурсов инвестиционные, то есть долгосрочные, кредиты слишком рискованно. В этой связи риски есть не только для банков, но и для экономики. Достаточно вспомнить, как во времена Петра Прокоповича Нацбанк практиковал постоянное рефинансирование банков или как Минфин размещал в них свои ресурсы, чтобы у банков были средства для льготного кредитования экономики в рамках госпрограмм. Если бы к такой практике вернулись снова (пока это сложно сделать, так как у Минфина нет свободных ресурсов, а Нацбанк по законодательству не может осуществлять рефинансирование банков на длинные сроки), это быстро привело бы к тем же последствиям, что и в 2008, 2011 или 2014 годах, – рубли быстро оказывались бы на валютном рынке, делая девальвацию неизбежной. Следовательно долларовой эквивалент ВВП падал бы, а относительные показатели госдолга (госдолг по отношению к ВВП) ухудшались бы. Это могло бы закончиться пересмотром суверенного кредитного рейтинга, падением стоимости государственных ценных бумаг и довольно тяжелыми последствиями для банковского сектора. Для понимания можно вспомнить, как недавнее падение котировок российских ценных бумаг ударило по капиталу российских банков.

Как видно, ситуация довольно хрупкая. Правительство, Нацбанк, компании и банковский сектор оказались в очень жестких рамках, поэтому любой внешний

или внутренний шок могут вывести ситуацию из равновесия, и повлиять на это будет очень сложно.

Факторы роста экономики

Ключевой фактор, который будет влиять на рост экономики, — это сохранение стабильности в регионе. В частности, риск конфликта или чего-то, за чем последуют жесткие санкции против России. Потому что такой привязки белорусской экономики к российской, как сейчас, не было никогда. Мы пришли к тому, что она осталась практически единственным источником ресурсов, основным рынком, регионом с логистическими возможностями для экспортных поставок ряда отечественных товаров. Значит, любые негативные шоки, влияющие на Россию, будут еще в большей степени сказываться на белорусской экономике.

Второй фактор – внутренний. Здесь ключевой вопрос – спрос (потребительская уверенность) и инвестиции, связанные с тем, насколько люди отождествляют свое будущее с будущим страны. Недавнее исследование BEROC (Киев) показало, что уверенность потребителей в завтрашнем дне находится в отрицательной зоне: люди воспринимают риски ухудшения ситуации как высокие, соответственно, не увеличивают потребление. Точно так же ведут себя инвесторы. В итоге страна упускает возможности развития.

За политической последует экономическая миграция, потому что зарплаты растут, но разрыв с соседями увеличивается

Катерина Борнукова, академический директор BEROС (Киев)

Зарплаты продолжают расти

Главной тенденцией на рынке труда традиционно стал рост зарплат. В прошлом году он был неровным: в одних отраслях зарплаты росли быстрее, в других медленней, а где-то в реальном выражении вообще не увеличивались. В среднем в номинальном выражении по итогам декабря 2021 года он был 13.6% – это ощутимый рост. Но, к сожалению, большую часть роста съела инфляция.

Реальный же рост декабря 2021 года к тому же месяцу 2020 года был всего 2.7%. При росте ВВП и сокращении занятости, такой рост зарплат можно считать достаточно скромным. Например, в 2019 году при росте ВВП на 1,4% реальные зарплаты увеличились на 6.5%, в 2017-м экономика выросла на 2.5%, а зарплаты в реальном выражении – на 7.5%. Даже в 2020-м при сокращении ВВП на 0.7%, их рост был 8.8%.

Зато был рост в любимом белорусами измерении – в иностранной валюте. Если перевести среднюю зарплату в доллары, то благодаря благоприятным внешним условиям и укреплению рубля, она в очередной раз пересекла магическую границу в 500 долларов и закрепилась существенно выше. В ноябре, например, средняя зарплата была эквивалентна 580 долларам, а в декабре – вообще 660 (но в этом месяце традиционно выплачиваются премии).

Другое дело, что этот рост ощутили не все. Если в промышленности в реальном выражении рост средней зарплаты составил 9.5%, а в некоторых подотраслях достигал 15%, то в строительстве она не изменилась. Как ни странно, было снижение в разделе «Информация и связь» – на 5.3%. В первую очередь это связано с укреплением рубля, ведь зарплаты в IT привязаны к долларам. Кроме этого мог оказать влияние отъезд наиболее высокооплачиваемых представителей отрасли. То есть многие сеньоры уехали, а занятость в этой сфере выросла за счет новичков с более низкой оплатой труда.

У бюджетников роста реальных зарплат вообще не было. В образовании реальные зарплаты не изменились, а в здравоохранении, наоборот, наблюдался спад на 12.9%. Связано это в первую очередь с уменьшением ковидных надбавок.

Получается, что ростом экономики в 2021 году смогли наслаждаться не все.

Новый тренд: экономика растет, а занятость падает

Несмотря на хорошие экономические условия, занятость в Беларуси сократилась на 50 тысяч человек (больше 1% от числа занятых). В целом сокращение занятости – вполне характерное для белорусской

экономики явления из-за старения населения. Но обычно в годы бурного роста или восстановления после кризиса этот процесс замедляется. Так было в 2017-2018 годах. Снижение занятости при росте ВВП – удивительный экономический факт. Вероятнее всего, он объясняется не только экономическими факторами, как, например, сокращением в строительстве, а вместе с ним снижением зарплат и занятости, но отчасти и политическими причинами, в первую очередь миграцией.

Это важный тренд, потому что всплески видимой миграции создают сетевые эффекты. Сегодня многие белорусы знают, что наши сограждане активно уезжают, в медиа мы постоянно видим статьи о том, как люди обустроились на новом месте. Все это снимает определенный барьер с миграции. Люди стали больше понимать, как можно переехать, что для этого нужно сделать. Более того они понимают, что созданные миграционные сети им помогут в случае переезда хотя бы советом.

Учитывая, что даже в этот хороший в экономическом плане год разрыв Беларуси с Польшей, а во многих отраслях с Украиной и Россией, по средним зарплатам увеличился, то, скорее всего, за политической последует миграция экономическая. Это будет большим вызовом для страны со стареющим населением.

Увольнения по политическим мотивам на макроуровне не заметны

В январе была информация про 300 уволенных по политическим мотивам работников культуры. Периодически появляются сообщения про увольнения в других отраслях. Но этот процесс не приобрел таких масштабов, чтобы сказываться на общем уровне занятости. То есть он не виден ни в качестве негативной динамики на рынках, ни в структуре занятости, ни в опросах. Показательно, что в недавнем опросе BEROС (Киев) процент людей, которые говорили о своих увольнениях, был низким и совпадал с экономической реальностью, а процент тех, кто говорил об увольнении кого-то из знакомых, оказался самым высоким за последние два года наших наблюдений. Это косвенно указывает на наличие громких увольнений. Ведь текущие увольнения рядовых работников можно и не заметить, но когда у тебя на заводе уволили главного инженера, ты точно об этом узнаешь.

Подобные случаи увольнения, не будучи заметными на макроуровне, скорее, сказываются на производительности труда, потому что часто касаются лидеров своих направлений и квалифицированных профессионалов. Мы видим это на примере заводов, где были случаи увольнения ценных специалистов, а объявления о поиске новых работников на их место висели довольно долго.

В то время как государственный сектор выиграл от экспортного чуда, в частном царит пессимизм

В 2020 году, благодаря поддержке государства, мы видели что госпредприятия не так активно увольняли и даже нарастили пропорцию людей, которые у них работают. То есть процент работающих на госпредприятиях вырос, а на частных – сократился. Это неудивительно, потому что ковидный удар пришелся в первую очередь на частный сектор, в то время как госпредприятиям была предоставлена поддержка.

2021 год был успешным и не требовал прямого административного вмешательства в экономику. Но рост был обусловлен секторальными движениями. Учитывая специфику экономического роста в прошлом году (основной вклад внесли секторы, ориентированные на экспорт), занятость росла в первую очередь в тех отраслях, которые получили основной профит от экспортного бума. Можно предположить, что государственный сектор рос активней, чем частный, ведь основные экспортеры в промышленности принадлежат государству. Значит и доля государственного сектора в занятости в целом по экономике увеличилась.

Особенность частного сектора сейчас в том, что в нем превалирует пессимистичный взгляд на будущее. В опросах предприятий представители компаний указывают на высокие риски и неопределенность. При таких настроениях неизбежно сворачивание новых проектов и инвестиций. Это указывает на то, что частный сектор в прошлом году меньше нанимал и в этом продолжит наращивать занятость медленней, чем делал это раньше. Если пару лет назад мы видели устойчивую тенденцию к росту роли частного сектора на рынке труда в Беларуси, то сейчас этот процесс если не развернется в обратную сторону, то приостановится.

Санкции станут вызовом для экономики регионов

Эффект от санкций для рынка труда пока незаметен. Даже экономически он был не сильно ощутим, потому что большинство санкций – это меры отложенного действия. Если посмотреть на уже вступившие в силу ограничения, например, против белорусских авиакомпаний, то видно, что сильнее пострадал рынок грузовых авиаперевозок. А на пассажирские такого негативного влияния не было. Им помогла смена направлений и, возможно, потоки приезжавших в Беларусь мигрантов. Хотя стоит отметить, что ограничения были приняты после 2020 года, в котором авиаперевозки и без того серьезно пострадали, что сказалось и на занятости, и на зарплатах. То есть всех, кого могли, уволили и зарплаты урезали до начала действия ограничений.

Увидеть влияние санкций на некоторые другие отрасли по основным показателям невозможно, так как статистику по ним сделали закрытой. Но видно, что в нефтепереработке занятость росла, как и в производстве химических продуктов. Это подтверждает, что эффекта от санкций на эти отрасли пока не видно. Но

надо понимать, что ограничительные меры в прошлом году еще не работали.

Тем не менее санкции по мере их вступления в силу станут определенным вызовом, так как предприятия, которых они коснутся (в частности два крупных нефтепереработчика и «Беларуськалий»), расположены в относительно небольших городах и являются градообразующими. Значит, зарплаты их работников составляют основную покупательную способность жителей этих населенных пунктов и задают темп остальному местному бизнесу. Если после начала действия санкций попавшие под них компании будут сокращать занятость или зарплаты (что-то из этого придется делать, несмотря на бюджетную поддержку), то это заметно повлияет на местную экономику.

Правительство, очевидно, настроено на максимальное смягчение влияния санкций, вдохновившись тем, как в 2020 году удалось ослабить эффект от пандемии. Но тут важно учитывать, что ограничения будут действовать не так, как шок от ковида, который фактически пришелся на второй квартал 2020 года, после чего ситуация выровнялась. Если ничего не изменится, то санкции – это вопрос долгосрочный. В таких обстоятельствах, если у Беларуси получится продавать условно только половину калия, то держать прежнее количество шахтеров с прежней зарплатой не получится. Более того, ограничительные меры отразятся на связанных с попавшими под них отраслями. Взять хотя бы «Белорусскую железную дорогу» как одного из самых крупных нанимателей. Потери от перевозки калия повлияют на рынок труда не в отдельном городе, а по всей стране.

Прогноз по рынку труда на ближайшее будущее

Люди, которые будут терять работу в результате действия санкций или по другим причинам, будут искать выход в эмиграции. Для Беларуси это явление вряд ли можно назвать новинкой, потому что страна и раньше в случае кризиса «экспортировала» белорусов. Если в прошлые периоды люди чаще ехали в Россию, то сейчас, благодаря сетевому эффекту миграции, география может расширяться.

Так как часть людей в поисках работы будет уезжать из страны, то вряд ли Беларусь столкнется с большим ростом безработицы. Некоторое увеличение если и будет, то окажется локализованным в тех городах, где находятся предприятия, напрямую пораженные санкциями.

В то же время в этом году роста реальных зарплат ждать не приходится. А если начнут работать санкции, то можно ожидать даже небольшой спад. Вот только спад реальных зарплат на 2-3% в среднем будет означать, что у кого-то они снизятся на 10-20%.

Причины подскочившей инфляции – излишняя любовь к регулированию, недоверие и мировой тренд

Лев Львовский, старший научный сотрудник BEROС (Киев)

Инфляция – мировой тренд 2021 года

Разогнавшаяся инфляция стала одним из самых заметных экономических итогов 2021 года. В год восстановления глобальной экономической активности она достигла в США 6.8%, в еврозоне – 5%, в России – 8.39%. Главная причина такого скачка в том, что развитые и многие развивающиеся страны, желая поддержать экономики во время введения их в искусственную кому в период пандемии коронавируса, принимали беспрецедентные меры поддержки. Это были масштабные интервенции, эмиссия денег, государства порой в буквальном смысле раздавали деньги и людям, и компаниям.

В это же время люди, не имея возможности тратить деньги практически ни на что, кроме еды, увеличивали свои сбережения. В итоге люди больше тратили на питание, а накопления активно вкладывали, например, в жилье. Это подстегнуло рост цен на продукты питания и все, что касается строительства. В частности в 2021 году мировые цены на древесину подскочили чуть ли не в четыре раза отчасти потому, что средний класс стран Европы и США (а вместе с ними и богатые китайцы) хорошо сэкономили в 2020 году и стали вкладывать в недвижимость и строительство, а увеличить производство леса теми же темпами, которыми рос спрос, у мировой экономики не получилось.

После снятия ограничений страны довольно быстро начали выходить из кризиса, превосходя прогнозы экспертов. А правительства и центробанки все еще не решались полностью сворачивать программы стимулирования экономик, не будучи уверенными, точно ли мир экономически вышел из пандемии.

Плюс ко всему в 2021 году многим регионам не повезло с урожайностью, что тоже подталкивало вверх цены на продовольствие. В этот же период заметно выросли цены на транспортные услуги, что также влияет на конечную стоимость продуктов и товаров.

Высокие мировые цены не могли не докатиться до Беларуси. С одной стороны, их влияние было позитивным – цены на некоторые экспортные товары сильно увеличились, что стало причиной экспортного чуда. С другой стороны, будучи малой открытой экономикой, Беларусь приняла часть этой мировой инфляции.

К мировому тренду в Беларуси добавились несколько местных особенностей

Первая – недоверие, которое неизбежно ведет к ускорению роста цен. Индекс потребительских цен тесно связан с ожидаемой инфляцией. В таком случае работает механизм самосбывающегося пророчества, когда ожидаемая инфляция трансформиру-

ется в реальную. Допустим, предприниматель заключает контракт на год вперед на поставку определенной продукции. Если он думает, что инфляция будет, например, 20%, то прописывает в контракте, что через год контрагент должен платить больше на этот процент. А контрагент, допустим, тоже ожидает такого же роста цен, значит, не сочтет это условие безумством и согласится на такой контракт. Это один пример, но если в обществе многие разделяют идею о том, что рост цен будет условные 20%, то в итоге примерно таким он и окажется.

Так во время политических кризисов доверие к государственным институтам, включая Нацбанк, уменьшается. А ожидаемая инфляция в таких условиях растет. Как раз это происходит в Беларуси. Официальная инфляция по итогам года оказалась 9.97% в годовом выражении. Уровень ожидаемой инфляции, по данным Нацбанка, в декабре составил 14.2%. Для сравнения в августе 2020 года он был 11.7%, а в мае того же года – 10.6%. Как видно, ожидания инфляции растут. Они же подталкивают ее фактический рост.

Вторая особенность – излишняя любовь государства к регулированию. Во властных кабинетах еще сохраняется немного советское механистическое видение экономики: если цена в магазине высокая, то надо прийти и приказать ее снизить. Но история показывает, что настоящее регулирование цен может привести к дефициту товаров. В XXI веке такой исход был бы слишком странным. Чтобы этого не допустить, приходится идти на хитрости, которые, как ни старайся, все равно приводят к росту цен. Министерство антимонопольного регулирования и торговли (МАРТ) в прошлом году регулировало цены на большое количество товаров потребления, но время от времени разрешало повысить их до определенного предела. Делалось это, когда «складывалась объективная ситуация с повышением мировых цен». Естественно, ритейлер, опасаясь будущих потерь, в таком случае повышает цены на максимально разрешенную ставку.

В результате таких мер Беларусь входит в число стран, которые пытаются сдерживать цены, но все равно получают их рост. Регулируемые цены и тарифы в декабре прошлого года выросли на 9% в годовом выражении.

В то же время, чтобы компенсировать риски и возможные потери, бизнес повышает цены на ту свою продукцию, которая не подпадает под регуляцию. Как итог – цены все равно растут. В декабре 2021 года базовая инфляция составила 9.8% в годовом выражении. Годом ранее она составляла 7.1%, а в августе 2020 года – 4.3%.

Одним из ярких примеров того, как увеличиваются цены на регулируемые товары, можно назвать топливо. В отличие от Казахстана, где власти недавно попытались повысить цены на топливо резко, в Беларуси не один год работает схема, при которой цены

повышаются всего на одну копейку, но с завидной регулярностью. Процесс этот почти незаметен, но в итоге в декабре 2021 года цены на топливо были в лидерах роста среди регулируемых, увеличившись на 17.1% в годовом выражении. А ведь топливо – это тот особый продукт, цена которого заложена в стоимости большинства товаров, доставляемых на склады, а потом в магазины. Соответственно, повышение стоимости топлива влияет на цены на другую продукцию.

Еще один фактор связан с урожайностью, в Беларуси 2021 год тоже оказался не самым успешным для сельского хозяйства. Урожайность основных культур была ниже, чем два предыдущих года. В итоге цены производителей сельхозпродукции за год увеличились на 18.7%.

Санкции и контрсанкции не оказывали значимого влияния на цены

Европейские санкции в прошлом году не отразились на карманах белорусов. Во-первых, потому что по большинству позиций объявленные ограничения де-факто пока не действуют. Во-вторых, они никак не были связаны с потребительской корзиной, во всяком случае при первом приближении.

Принятые Минском с января этого года контрсанкции затрагивают около 1% импорта. Более весомая доля будет для фруктов, овощей и орехов, а также кондитерских изделий. По остальным категориям, Беларусь сама себя обеспечивает едой. А некоторые продукты, которые не получится доставить из Германии, привезут из какой-нибудь Турции по чуть более высокой цене. Так что и они не сильно скажутся на средней потребительской корзине.

Небольшой вклад в удорожание продукции могли внести проблемы на границе, в результате которых транспортировка занимала больше времени. Но и в этом случае вклад в потребительскую инфляцию, скорее всего, был небольшим.

Чего ждать в ближайшее время

Остается открытым вопрос – что будет с мировой инфляцией и продолжит ли она оказывать влияние на Беларусь. Крупнейшие мировые центробанки считают, что это временное явление и что им будет легко побороть ее высокий уровень, рынки в целом тоже ожидают, что мировые регуляторы начнут бороться с инфляцией, повышая ключевые ставки. Во всяком случае это предусмотрено в базовых прогнозах. Если мировая инфляция действительно будет замедляться, то она станет влиять на инфляцию в Беларуси в сторону ее уменьшения.

Что касается внутренних факторов, то в ближайшем будущем на высоком уровне сохранится ожидание инфляции, продолжая влиять на рост цен. Дополнительное инфляционное давление будет из-за повышения налогов, хоть за прошлые два года практически все второстепенные налоги уже увеличились. Дело в том, что значимая часть торговли в Беларуси

связана с ИП. В этом году те малые предприниматели, которые не разорятся из-за изменений в Налоговом кодексе, будут перекладывать дополнительные расходы на налоги в конечную стоимость продукции.

Учитывая, что МАРТ хочет прибегнуть к чуть более либеральным механизмам и более мягкому регулированию цен, то в случае реализации этих планов, через какое-то время торговля перестанет повышать цены заблаговременно. Но это возможно только после четкого сигнала о том, что в будущем правительство не собирается повторять прошлогодний опыт. Пока же у нас посылаются сигналы противоположного толка. В частности, время от времени Александр Лукашенко вспоминает, что инфляция – это не монетарный феномен, а цены растут из-за жадности ритейлеров, и с этим надо что-то делать.

Кроме этого, важным фактором остается то, что Нацбанк Беларуси пока старается воздерживается от запуска печатного станка, хотя в последние годы было пару эпизодов директивного кредитования. В будущем же есть серьезные шансы, что Нацбанк окажется под давлением, в результате чего часть нового инвестиционного цикла будет выполнена за счет необеспеченной эмиссии, так как не будет возможности кредитоваться на рыночных условиях.

Тем не менее, даже при удачной внешней конъюнктуре и принимаемых для сдерживания роста цен мерах вряд ли удастся остаться в рамках прогнозируемой на этот год инфляции в 6%. С учетом падения мировой инфляции вполне вероятно, что мы уложимся в 10%, а в случае замедления белорусской экономики появится шанс удержаться в районе 7-8%.